

Учитель духовности

*Ржавеет золото,
и истлевает сталь,
Крошится мрамор.
К смерти все готово.
Всего прочнее на земле —
печаль
И долговечней —
царственное слово.*

Это четверостишие Анны Ахматовой не раз вспоминала в последние месяцы своей жизни Нина Тимофеевна Сорокина. Ахматова была одним из ее любимейших поэтов. И в ней самой, Нине Тимофеевне, было что-то родственное Ахматовой: санка, полная спокойно-го достоинства, и незамутненная глубина духовной жизни... Она была одной из самых красивых, обаятельных и мудрых женщин Ярославля.

23 декабря ей исполнилось бы 80 лет. А через день, 25 декабря, будет ровно год, как она ушла из жизни.

Более 25 лет — все последние свои трудовые годы — Нина Тимофеевна работала в Ярославском институте повышения квалификации руководящих работников и специалистов химической и нефтехимической промышленности (ЯРИПК), где была заведующей кафедрой социологии и психологии, проректором по научной работе.

Историк по образованию, кандидат философских наук, она была прежде всего — по душевной сути и убеждению — педагогом. Блестящим педагогом!

А главное, неповторимой личностью, целым миром. С ее уходом мы потеряли нечто драгоценное, о чем нельзя забывать, если хотим жить достойно.

Нина Тимофеевна была очень русским человеком. Ощущая родственно, как близких ей людей, и французских художников-импрессионистов, и американского писателя Фолкнера, она тем не менее была — и внешне, и духовно — как буд-

то бы написана теми же красками, что и русская природа, и великая, так любимая ею русская живопись.

Помню, как рассказала она однажды о знакомой крестьянке, которая потеряла на войне и мужа, и детей и прожила оставшуюся одинокую жизнь в молчаливых трудах и бесконечном терпении. До глубины души было понятно Нине Тимофеевне это невыплаканное народное горе. Она и сама пережила многое — и в период сталинского террора, когда был безвинно осужден ее отец, и потом, во время войны, когда он погиб, а она, девочка-подросток, оставаясь дочерью «врага народа» и переживая все тыловые военные трудности, стремилась быть полезной и организовала ясли для деревенских детей. Были и другие тяжелые времена в ее жизни, но Нина Тимофеевна не любила об этом говорить, всегда помня скорбно смонутые губы той крестьянки.

Мне думается, что в сердце Нины Тимофеевны всегда звучала тихая струнка, чисто отзывавшаяся на святое, целомудренное смирение русское...

И в то же самое время она была человеком яркой, неуемной, через край бьющей творческой энергии. Помню, в свое время я слушала курс ее лекций по этике и эстетике. О, что это были за лекции! Мы, слушатели (а это почти все, кроме меня, солидные люди, учителя), выходили после каждого занятия как из эмоциональной бани — разгоряченные, с сияющими глазами! И дело не только в высоком градусе эмоций. На дворе — семидесятые годы. Я, совсем тогда еще зеленая выпуск-

ница института, чувствовала себя в жизни как в песне Окуджавы — «среди совсем чужих пиров и лишком ненадежных истин». Искала нравственные ориентиры. И лекции Нины Тимофеевны — блистательно интеллектуальные, горячие, искренние — открывали мне новые горизонты.

А ей самой, казалось, ничего не стоило держать всю аудиторию в приподнятом, вдохновенном состоянии! И только спустя годы в частном разгово-

рочие начальники? Их, матерых, чаще всего авторитарных, много чего в жизни повидавших, Нина Тимофеевна учила тонкой науке слышать себя и других, работать в команде, уважая чужое мнение и умея разбудить друг в друге неведомые прежде творческие силы. И специалисты, учась таким образом, приходили к решению сложных производственных задач, добивались неожиданно высоких результатов.

Для меня, как и для многих в Ярославле, главное, за что мы будем всю жизнь благодарны Нине Тимофеевне, — это лицей. Воскресный гуманитарный лицей «Возрождение русской культуры». Возникнув в начале девяностых годов по инициативе Нины Тимофеевны и благодаря поддержке ее дочери Марии Петровны Семенцово, лицей около десяти лет работал при Ярославском музее-заповеднике. Большинство лицейцев составляли школьники-старшеклассники и студенты, но были среди них и взрослые люди разных профессий, и целые лицейские семьи (к коим вместе с сыном и мужем относилась и я).

У лицей была добрая хозяйка, она же соавтор и заинтересованный участник всех наших встреч — заместитель директора музея Елена Александровна Грязнова. В мир русской культуры нас вводили замечательные преподаватели, мыслящие нестандартно, молодо и глубоко.

И все же душой лицей были именно Нина Тимофеевна. Благодаря ей в нашем светлом, ставшем родным музейном зале каждое воскресенье возникала та особая лицейская атмосфера, о которой можно ска-

зать одним словом: счастье. Она могла видеть в человеке духовную суть и разглядеть у обычной девятиклассницы черты лица, достойные кисти художника Возрождения, в другой девочке — стриженной, в джинсах — распознать еще не раскрывшуюся классическую русскую красавицу, а в вызывающе ироничном мальчишке — сильный характер, будущую опору в лицейских делах...

В последние годы работы лицей Нина Тимофеевна была уже очень больна, но приходила на каждое занятие и «держала» его на себе. А потом, добравшись наконец домой, долго отлеживалась, потому что сил уже не было...

В родном для нее институте ЯРИПК, расположенном в здании бывшего Пастуховского училища, недавно прошли традиционные Пастуховские чтения — научная конференция, посвященная новациям в образовании. Вдохновителем и одним из организаторов их начиная с 1995-го являлась Нина Тимофеевна Сорокина. Ее памяти и были посвящены Пастуховские чтения в этом году.

Нина Тимофеевна оставила глубокий добрый след в жизни разных людей. Но, может быть, главное, что она передала нам, — импульс постоянного развития. Многим для духовной жизни требуются особые условия, определенное время и место... Нина Тимофеевна жила духовно, жила всегда, вне зависимости от обстоятельств, до последних своих дней.

За этот преподанный нам, вашим ученикам, урок — низкий поклон, Нина Тимофеевна!

Ирина ШИХВАРГЕР.